

Забери меня

Автор:

Маргарита Дюжева

Забери меня

Маргарита Дюжева

Зыбучие пески #1

Она – девочка-беда, а у меня каждый день расписан по минутам и нет места для безумства. Мне казалось, что между нами ничего общего, лишь дикий голод и притяжение, которое не перебороть. И я решил, что без нее станет проще...Дурак. Она ушла. Теперь все, о чем я могу думать – это как вернуть ее обратно.

Содержит нецензурную брань.

Маргарита Дюжева

Забери меня

Пролог

– У вас десять минут, – раздается одновременно со щелчком замка.

Дверь распахивается и на пороге появляется Демид. Как всегда, в строгом деловом костюме, собранный, отстраненный...

Я знаю, что это спокойствие наигранное, на самом деле он напряжен как струна. Его выдают руки, сжатые в кулаки, желваки, нервно играющие на скулах и глаза. В них клубится такая ярость, что хочется сбежать. Только некуда. Из камеры следственного изолятора так просто не выпускают.

Он громко захлопывает за собой дверь и оборачивается ко мне:

– Ну что, Лера? Повеселилась? – широким жестом обводит унылое помещение. Жесткий сарказм бьет наотмашь, заставляя виновато втягивать голову в плечи.

Сдерживаюсь, поднимаюсь с неудобной койки и подхожу к нему. Пусть думает, что это вызов... на самом деле мне хочет просто оказаться ближе, почувствовать его запах, тепло. Хочется забраться к нему на руки, уткнуться носом в шею и дышать им.

...Одержимость. Иначе это состояние назвать нельзя. Больная, яростная, выворачивающая наизнанку.

Мысли путаются, стоит только заглянуть в темные глаза. Пульс тут же разгоняется до предельных скоростей, и, кажется, будто воздуха больше не осталось. Я делаю жадный вдох, малодушно надеюсь, что он этого не заметит. Непроизвольно облизываю пересохшие губы и прячу руки за спиной, потому что желание прикоснуться к нему практически непреодолимо.

Презрительно скривившись, он скользит взглядом по моим спутанным волосам, по платью, оголяющему плечи и едва прикрывающему зад. По туфлям на вызывающе высоком каблуке. Зло скрипит зубами.

Злить его у меня всегда получалось особенно хорошо.

– Я не обязана перед тобой отчитываться. У меня была встреча с друзьями.

– М-м-м, – тянет он с кривой усмешкой, – так звонила бы им. Друзьям своим. Пусть бы они твою задницу спасали.

Мне нечего на это ответить. Сегодня ночью я забыла обо всех миллиардах людей, населяющих эту планету, и позвонила ему. Как всегда, только ему.

– С меня хватит, Лер. Я не мальчик на побегушках, которому больше заняться нечем, кроме как вытаскивать тебя из неприятностей.

– Завытаскивался, бедный, – проворчала я, пытаюсь спрятать тревогу за напускной беспечностью.

Его взгляд внезапно становится таким спокойным, отстраненным, холодным... как в начале нашего знакомства. Я нагло улыбаюсь, но на самом деле эти перемены пугают до дрожи, потому что чувствую, как прямо сейчас он отказывается от нас. От меня.

Я сколько угодно могу себя убеждать, что мне плевать, что таких как он пруд пруди, и стоит только захотеть – все рухнет к моим ногам. Только это не правда. Таких как Демид больше нет. Мы из разных вселенных, которые вообще никогда не должны были пересечься.

– Я договорился. Тебя отпустят, – произносит ровным голосом и сдвинув манжет, смотрит на часы, будто ему не терпится уйти и избавиться от моего надоедливого присутствия.

– Спасибо, Царь-батюшка...

– И на этом все, – равнодушно перебивает, смотрит в упор, не моргая. Не оставляя надежды, – точка.

Язвительные слова замирают у меня на языке, а что-то внутри корчится в агонии и захлебывается черным отчаянием. Мне хочется броситься к нему на шею, просить прощения, умолять остаться, но упрямая гордость не позволяет этого сделать.

– Ну все, так все, – развожу руками, – было приятно познакомиться.

Боже, что я несу.

– Не уверен, что могу сказать то же самое о тебе, – холодно припечатывает он, доламывая ту часть меня, которая принадлежит ему.

– И что теперь? Женишься на своей сушеной Вобле? – хочу побольнее его укусить, но получаю прямой, твердый ответ:

– Женюсь. Как и планировал.

Он сделает это. Не назло мне, а потому что так решил. Ему удобнее с Воблой. Она красивая, воспитанная, обеспеченная. Ему под стать. Им вместе самое место на обложке журнала о богатых и знаменитых, а мне – где-то на задворках.

Жжет в груди. Снова прячусь за очередной усмешкой, но мне больно.

– Из вас получится прекрасная пара. Чопорная Вобла и замороженный ты. Будете с постными лицами ходить по своим деловым банкетам, жевать икру, а по утрам обсуждать биржевые сводки, – с деланным сожалением качаю головой, – Эх, все усилия насмарку. Только оттаивать начал. На человека стал похож...

Мой укол все-таки достигает цели. Демид хмурится и зло цедит сквозь зубы:

– К черту такую оттепель.

– И секс у вас будет дважды в неделю, строго по расписанию. В определенной позе. Чтобы костюмчик не помялся, – веду ладонями по широким, крепким плечам, смахивая невидимые пылинки.

Голодной волчицей смотрю на его губы. Они всегда были моим личным фетишем...

Он так близко, что крышу сносит. Не выдерживаю. Не осознавая, что делаю, провожу кончиками пальцев по горячей коже, прикасаюсь к твердым губам. От этих прикосновений будто током пробивает. И не только меня.

Взгляд Демиды темнеет. Холод снова отступает и на его место врывается та самая ярость, желание обладать, которое всегда сводило с ума.

Я отскакиваю от него за миг до того, как он срывается. Бросаюсь куда-то в сторону, хотя знаю, что в западне. На окнах решетки, дверь закрыта, мне не выбраться.

Он ловит меня за долю секунды, отшвыривает лицом к стене, тут же наваливаясь сверху, прижимая к шершавой поверхности.

– Зараза, – мужские пальцы впиваются в мои волосы, – ты мне весь мозг уже вытрахала.

– Я еще даже не начинала, – шиплю, пытаюсь вырваться, но кулак на волосах сжимается сильнее, вынуждая запрокинуть голову, до хруста в шейных позвонках.

Его горячее хриплое дыхание на моей коже, и толпы злых мурашек, вверх по шее, теряясь где-то на затылке. Я зажата между ним и стеной, так что не сдвинуться ни на сантиметр. Горячая ладонь бессовестно задирает короткий подол, шарит по телу, рывком сдирая тонкие кружевные трусики.

– Ты с ума сошел? – пытаюсь его оттолкнуть, высвободиться, но Дем продолжает давить.

– В чем дело, Ежик? Все как ты любишь. Не скучно, с огоньком. – слова пропитаны ядовитой иронией, – или это слишком для тебя?

– Не называй меня! – Я несуразно хватаю ртом воздух, в голове дурман.

Наглая рука тем временем пробирается между моих бедер, прикасается жестко, требовательно, без намека на нежность. Она мне и не нужна. В крови дикий коктейль из бешенства и желания обладать этим мужчиной. Получить его здесь и сейчас, раствориться в этом безумии. Низ живота полыхает. Горячо, мокро, сводит от нетерпения. Когда пальцы погружаются внутрь, не могу сдержать надрывный стон, прогибаюсь навстречу, трусь ягодицами о его пах, заводясь от ощущения грубой ткани на нежной коже, и того как сквозь нее угадывается крепкий член.

Демид рычит во весь голос, теряя свой хваленый контроль, свою чертову выдержку, которой он так гордится. Я слышу, как звякает пряжка и шуршит молния на его брюках. Знаю, что сейчас будет, но все равно оказываюсь не готова, когда одним резким движением полностью погружается в мое тело. С губ срывается уже не стон. Крик. Похотливый, отчаянный, злой.

– Заткнись, – одной рукой зажимает мне рот, второй сильнее натягивает волосы, вынуждая еще больше прогнуться, принять полностью, без остатка.

Мне остается только мычать и хвататься за стену, скрести ее ногтями, пока он словно одержимый вколачивается в мое тело. Трахает, грубо и несдержанно, а я как ненормальная молю, чтобы не останавливался. Чтобы еще глубже, сильнее, злее.

Каждый толчок все больше разжигает пожар в крови, будит лютый голод, который кроме него никто и никогда не сможет удовлетворить. Я задыхаюсь, чувствуя его движения внутри. Меня ломает от животного удовольствия и дикой тоски, выкручивает каждую жилу, каждое нервное окончание. Потому что знаю. Это в последний раз.

Тишину камеры нарушают только мои стоны и его хриплое дыхание. Проникновения становятся все глубже, отрывистее. Между ног ноет, и горячие волны накатывают одна за другой, пока внутренности не сводит сладким, почти болезненным спазмом.

Тело все еще дрожит, расслабляется, обмякает в его руках, и Дем это чувствует. Еще несколько отчаянных толчков, и он замирает, прижавшись к мои бедрам. Утыкается лбом мне в затылок и едва дышит.

Трясет не только меня.

Проходят несколько бесконечно долгих секунд, прежде чем он отступает, освобождая меня из своего плена. Сразу становится холодно и пусто, а еще так тошно, что хоть волком вой.

Мы ничего не говорим друг другу. Слова не имеют значения. Как и все остальное.

Я стягиваю вниз подол платья, подбираю с пола разорванные трусы, а Демид неторопливо застегивает брюки, пуговицу на пиджаке, в конце поправляет узел на галстук и, не глядя на меня, идет к выходу.

Он уже спокоен, уверен в себе. Все тот же равнодушный сукин сын, что и раньше.

На его стук тут же прибегает охранник и открывает дверь.

- Визит окончен, - на ходу роняет Барханов.

- А девушка...

- А девушка, пускай посидит здесь до завтра. Подумает о своем поведении.

- Демид! - с возмущенным криком я бросаюсь следом за ним, но дверь захлопывается прямо у меня перед носом, - выпусти меня! Ты же обещал!

В ответ только звук удаляющихся шагов. Я бью ладонями по металлической поверхности, кричу, срывая голос, но все бесполезно. Он ушел.

Глава 1

Руль в одну сторону - раз, велосипед в другую - два-с, громкий скрежет - три-с. Я на земле - четыре-с.

Дую на сбитую коленку и сердито смотрю на большой черный внедорожник, неровно припаркованный у тротуара. Хозяин этого мастодонта явно не заморачивался мыслями об удобстве других. Как встал, так и встал, а как там будут остальные корячиться - его не интересует.

- Понакупают машин, а потом ставят их как попало, так что нормальным людям не пройти, не проехать, - Шипя сквозь зубы я поднимаюсь, отряхиваю шорты и осматриваю себя на предмет повреждений.

Ссадина на коленке, красное пятно на бедре, которое завтра превратится в здоровенный синяк, саднящие ладони.

Но это мелочи по сравнению с разбитым передним фонарем на любимом велосипеде. Я его только купила, первый раз выехала, и на тебе!

С некоторой опаской смотрю на задний бампер напавшего на меня автомобиля. Вмятин нет, но царапина имеется. Не глубокая, но заметная. Светлая на темном.

Блин. Я даже боюсь представить, сколько эта тачка стоит.

Не знаю, зачем это делаю, но прячу в сумку разбитый фонарь, потом достаю черный маркер и, воровато оглядываясь, начинаю затирать царапину. Вблизи, конечно, видно, но если не знать и не всматриваться, то вполне можно упустить из внимания такую досадную мелочь.

От усердия высовываю язык:

- Во-от, так. Отлично, - пыхчу, замазывая улики, - превосходно.

Еще раз смотрю на свои художества и удовлетворенно киваю:

- Молодец, Лерка. Ох молодец. Не зря на художественном училась.

- Ты что там делаешь? - раздается мужской голос, и я подпрыгиваю, чуть не выронив из рук фломастер. Едва успеваю засунуть его в носок, чтобы не спалиться.

- Шнурки завязываю! - действительно начинаю путаться с завязками, при этом руки дрожат, как у старой бабки.

- Места другого не нашла?

Что он до меня докопался?

- Где хочу, там и вяжу. У тебя забыла спросить, - распрямляюсь и нагло смотрю на дядьку в черных, идеально выглаженных брюках и клетчатой жилетке. Ботаник какой-то. - твоя что ли машина?

Он не отвечает, только взглядом скользит по велосипеду, к счастью, не замечая повреждений на машине.

- Что там у тебя? – раздается еще один голос.

Не «кто», а именно «что». Так холодно, спокойно, что у меня вдоль хребта проносится толпа мурашек. Оборачиваюсь растеряно, забыв про наглость и привычку язвить, и как маленькая девочка, с открытым ртом плююсь на нового персонажа.

Охренеть.

Я таких мужиков только в кино видела. Взрослый, высокий, затянутый в строгий костюм стального цвета. Как ему только не жарко? Я в маечке и шортах сопрела.

Он не лощеный красавец, не с обложки глянцевого журнала, но такой...породистый что ли. Взгляд хмурый, жесткий, прямой. Кажется, он им запросто может свай забивать. Цвет глаз не могу разобрать. Хочется подойти ближе и взглянуть в них, но вокруг этого мужика стена. Ее не видишь, но ощущаешь каждой клеточкой тела, как и непробиваемую уверенность, от которой подкашиваются ноги.

Харизма, во всем ее великолепии.

Я даже забываю родной язык и ничего не могу сказать. Сейчас бы шутку какую или остроумную реплику, чтобы он обалдел и посмотрел на меня хоть с каким-то интересом. Но вместо этого стою перед ним растрепанная, слегка помятая после падения, со съехавшим на бок хвостом и глупо хлопаю глазами.

Он равнодушно скользит взглядом по разбитой коленке, и обращается к мужчине, который был первым:

- Поехали.

- Эльвира Андреевна?

- Вон идет.

Только сейчас я замечаю, что к нам направляется женщина. Из тех, рядом с кем хочется поправить одежду, пригладить волосы и вообще дать волю комплексам. Потому что она идеальна, как статуэтка в музее. Фигура без единого изъяна, затянута в ярко-красное платье, которое выглядит отнюдь не вульгарным, а наоборот сдержанно-лаконичным и стильным. Волосы забраны в высокую прическу, макияж такой, что его будто и нет, но он есть. Порыв ветра доносит до меня аромат дорогого парфюма.

В общем, идеальная. Как раз под стать этому мужчине в сером костюме. У них даже взгляды одинаковые – по-змеиному холодные, с едва скрываемой ноткой превосходства.

Меня почему-то злит, что они так подходят друг другу. Даже колет куда-то в солнечное сплетение странным чувством, очень похожим на ревность.

Казалось бы, по какому поводу? Но меня жжет, когда она подходит ближе к этому холеному гаду – а в том, что он гад, я почему-то не сомневаюсь – и похотливо поправляет галстук. Видно, что они давно вместе, и их отношения в спокойном уверенном русле.

Он распахивает перед ней дверцу машины, и эта царевна садится внутрь, элегантно подбирая свои длинные, до блеска проэпилированные ноги.

Мужчина намеревается обойти машину сзади, приближается ко мне, смотрит на свои дорогие часы, которые ему явно интереснее девочки-растрепки в драных джинсовых шортах.

– Дрын свой с дороги убирай, – поравнявшись со мной, кивает на велосипед, все так же ничком лежащий на асфальте.

Хочется сказать «сам ты дрын», но голос не слышится, потому что он все-таки смотрит. Свысока, без единой эмоции. Я ему не интересна, совсем, и это вызывает глухое раздражение.

– Перешагни...те, – язык не повернулся сказать «перешагнешь». Мы с ним из разных эшелонов, и эта социальная разница бьет по глазам. Я перекусила в бургерной, а он отправится обедать в один из лучших ресторанов. Я хожу в

кигуруми Пикачу, а он и дома, наверняка, не вылезает из костюмов.

Он едва поднимает одну бровь, дескать «я не расслышал. Тут кто-то что-то вякнул?»

Ну же, Лерка. Скажи, как ты можешь, чтобы у него уши в трубочку закрутились и отпали!

- Эээ...извините

Что? Нет не так. Что??? Это я сказала? Пока я офигеваю на саму себя, мужчина проходит мимо со словами:

- Не путайся под ногами.

Провожая потерянным взглядом его широкую, обтянутую костюмом спину и чувствую, как начинают краснеть уши. Что за дура!

Он садится в машину, и я только успеваю утащить в сторону велосипед, как она сдает назад, чтобы вывернуть на дорогу.

- Эй! Аккуратнее! Тут люди вообще-то.

Меня никто не слышит. Я даже больше скажу, меня никто не собирается слышать. Пустое место.

Не путайся под ногами...

Теперь, когда этот персонаж вышел из моего личного пространства, стало легче дышать, и в мозгах прояснилось. Меня накрыл отходник от странной встречи, даже затрясло.

Какого черта я молчала? Тупица! Подумаешь мужик серьезный на пути попался, что ж теперь с поджатым хвостом ходить и не дышать?

Взгляд сам следовал по пятам за темной машиной. Вот она вывернула во второй ряд, бесцеремонно вклиниваясь в обеденную пробку, проехала десяток метров и застряла в автомобильном потоке.

Так тебе и надо! Опоздаешь в свой ресторан и останешься голодным! И Вобла твоя в красном тоже! Совсем засохнет бедная.

Не путайся под ногами...

Я не привыкла к тому, что меня не замечают. Я нравлюсь молодым людям. Они считают меня красивой, очаровательно-наглой и озорной. Да мне всегда мужчины улыбаются при встрече!

Дрын свой с дороги убирай...

Вот гад.

Тише, Лерка, не буянь. Подумаешь хам какой-то попался! Это его проблемы, не твои.

Утешаю себя, успокаиваю, а потом, в какой-то прекрасный момент понимаю, что я уже верхом на велике, проворно лавирую вдоль едва ползущих машин, нагоняя колесницу Замороженного.

Поравнявшись с ней, стучу по стеклу, и дождавшись, когда на меня обратят внимание, показываю средний палец. Для наглядности ещедвигаю им из стороны в сторону, чтобы он уж точно рассмотрел.

И о чудо! Мне удастся пробить эту стену из холодной самоуверенности. На какой-то миг в мужском взгляде проскакивает ничем не прикрытое изумление.

Что не ждал?

Его растерянность быстро сменяется гневом. Я не слышу, но вижу, что он что-то отрывисто говорит водителю, а потом недовольно окидывает взглядом плотный поток машин. Пробка подпирает его колесницу со всех сторон, даже дверь нормально не открыть. И он это понимает. Стискивает зубы так, что желваки

начинают играть.

- Пока, пока, - машу ему пальчиками и проворно сворачиваю в ближайший переулок.

Вот теперь полегчало.

Дома меня ждет Алиска и запах пригоревшей еды.

- Опять спалила? - ворчу, морщась от вони.

Сестра обреченно машет рукой:

- На минутку телефон в руки взяла и все. Забыла, что кастрюля начинает жарить сразу после того, как перестает варить.

- Что я могу сказать... Молодец. Убирай.

- Уже. Просто вонища никак не выветрится.

Алиса у нас на удаленке. Работает из дома, готовит отчеты, и параллельно пытается заниматься хозяйством. Правда с переменным успехом - горелые кастрюли в нашем доме не редкость.

Пока переодеваюсь, никак не могу отделаться от мыслей о сегодняшнем приключении. У меня коленки до сих пор трясутся и перед глазами все стоит породистая физиономия того мужика с холодными глазами. Пытаюсь себя убедить, что мне плевать, что я просто пережёвываю неприятный инцидент, но на самом деле мне чертовски жаль, что я не знаю, как его зовут, и что вряд ли когда-нибудь еще встречу.

От этого поджигает где-то за ребрами.

Дурочка... Радоваться надо, что больше не увидишь! Не похож он на того человека, которому можно безнаказанно показывать средний палец.

Усилим воли я все-таки избавляюсь от этого наваждения и иду на кухню. Надо спасти ситуацию с ужином.

- Мам, Лер, - произносит Алиса, когда мы уже пьем чай, - я хотела с вами серьезно поговорить.

- Что-то стряслось? - маман моментально включает львицу, готовую порвать за своих деточек.

- Дима предложил съехаться, и я согласилась.

- О-о-о-о, - я округляю глаза, - Лиска попалась! Неужели он - тот самый, кому ты готова до скончания века варить свой прекрасный борщ и гладить носки?

Гладит, кстати, она тоже хреново. Да и вообще хозяйка из нее аховая, и у нас это нескончаемый повод для шуток.

- Бедный мальчик, - мама тоже мастер подколоть, - ты его предупреди сразу, что обратно мы тебя не возьмем. Даже если будет плакать, ползать на коленях и умолять.

- Очень смешно.

- Ладно, Алис, не ворчи. Мы рады за тебя, - ободряюще треплю ее по руке. - Диман у тебя хороший.

- А уж я-то как рада. Осталось Лерку из дома выпереть и начнется счастливая жизнь, - мечтательно вздыхает мама, - У тебя там на примете нет какого-нибудь волшебного принца, которому в жизни не хватает геморроя? Я готова даже пирогами его подкармливать, лишь бы забрал.

- Ха-ха-ха, - ворчу я.

- Вот уж кого точно вернут на следующий же день, - весело добавляет сестра.

- Лер, а если серьезно. У тебя кто-то есть?

- Нет, - категорично качаю головой.

- И никто не нравится?

- Нет, - сурово мотаю головой, а перед глазами опять сегодняшний «знакомый». - я свободна как птица, куда хочу, туда лечу. Сегодня вот с девчонками идем в клуб. Будем танцевать.

- Опять на всю ночь?

- Не знаю, как пойдет. У Ксюхи день рождения.

- Телефон чтобы включен был, - строго говорит родительница.

- Мам, если что, я уже большая. Третий курс закончила...

- Ничего не знаю!

Вот и поговорили.

Когда приходит время собираться, я кручусь перед зеркалом и ругаюсь. Потому что, как надеть платье мини, если у тебя синяк в пол-ляшки и коленка замазана зеленкой?

Приходится менять планы и перестраиваться на ходу. Вместо платья - драные джинсы и топ, сползающий на одно плечо. Вылитая пацанка, девочка-хулиганка...не то, что Вобла сушеная в красном платье и с элегантной прической.

- А пошло оно все! - иду мыть голову и устраиваю форменный беспорядок - шапку из миллиона завитков. Не знаю, что и кому я хочу доказать, но результат

мне нравится самой. Буду огненным одуванчиком всем на зло.

К девяти мы с девчонками подтягиваемся к клубу. Нас пятеро – я, именинница Ксюша и ее сестра Алина, еще Лена и Оксана. Лихой отряд, готовый к приключениям.

И начинаются эти приключения практически сразу. Стоит только обосноваться за одним из столиков, как к нам подсаживаются трое парней. Один из них, высокий брюнет с темными, как южная ночь глазами – очень даже ничего. У него широкая открытая улыбка и красивые рельефы, обтянутые белой футболкой. Явно мальчик не из бедных – кроссовки навороченные, телефон, часы, да и поведение соответствующее. Мини-мажорик. Зовут его Антон, но он милостиво разрешает называть себя Мистером А. Так смешно.

– Ну что, девчонки, за знакомство? – предлагает он.

– Вообще-то, – я указываю пальчиком на смущенную Ксюху, рядом с которой сидит блондинистый здоровенный бугай, на фоне которого она выглядит просто крошечной куклой. – У нас тут именинница.

– О, тогда с меня коктейли! – Антон делает небрежный жест рукой, подзывая шуструю официантку, и заказывает... конечно «Секс на пляже». Очень предсказуемо, но ладно. Хочет угостить – пусть угощает. Никто не против.

В общем парни красуются и развлекают нас забавными историями и шутками, а мы с девчонками переглядываемся, хихикаем и во всю флиртуем, а когда ритмичные биты сменяются плавными переливами меня приглашают:

– Потанцуем? – фирменная улыбка. – Если, конечно, не боишься, что укушу.

– Тебе, Антошка, зубов не хватит, чтобы меня укусить, – фыркаю я и вкладываю свою руку в его теплую ладонь.

Танцевать мне нравится. Следую за музыкой, позволяю себя вести, чувствую его руки на своей талии. Приятно...хотя нет, все равно. Я на его месте представляю совсем другого человека, который неотступно преследует меня весь день.

Я рассматриваю Антона, он в ответ рассматривает меня. Мы играем в гляделки, неспешно двигаясь среди таких же пар.

- Ты красивая.

Сразил. Просто сбил с ног. Гений подкатов.

- Знаю, - снисходительно киваю, едва сдерживая сарказм, который, как всегда, со мной и готов пролиться на безвинную жертву, - ру-у-уки.

Его пятерня как бы невзначай, потихоньку начала сползать с талии. Возвращаю ее на место и грожу пальчиком. Надо же приткий какой.

Антон только смеется. Белозубо так, широко:

- С тобой не соскучишься.

Нежная музыка тем временем заканчивается, снова на весь зал гремят басы:

- Еще по коктейльчику?

- Почему бы и нет, - жму плечами, - только обойдемся без секса на пляже.

- Куда ж без него, - как-то странно хмыкает брюнет и ведет меня к барной стойке

Глава 2

- Как насчет того, чтобы потрянуть стариной? - усмехается Артур, глядя сквозь на танцпол тонированное стекло. Из этой комнаты видно всех, но никто не видит нас, и музыка сюда едва пробивается, не глушит басами. Очень удобно.

- Издеваешься? Я вообще не понимаю, как вы умудрились меня сюда затащить.

– Не ворчи. Вот Влад купит себе эту игрушку и будем каждую неделю устраивать вечера для тех, кому за тридцать.

У Влада, как всегда, дури много.

– Зачем Швецову это надо?

– У него свои заморочки с женой. Какая-то некрасивая история вышла с клубами, он не рассказывает.

Я жалею, что пришел и не могу понять, как вообще позволил себя затащить на столь сомнительное мероприятие.

Пока брат с Швецовым что-то обсуждают, я подхожу к окну и смотрю на беснующуюся толпу. Пустозвоны.

В их возрасте я пахал уже как проклятый. У меня была цель, и я шел к ней, пробивая лбом стены. Эти не пробивают ничего.

Казалось бы плевать, но после событий с Мелким я критически отношусь к молодым и веселым. В голове у них пусто, и не понятно в какой момент замкнет.

Хочу уже отвернуться, но глаз цепляется за что-то яркое, рыжее. Острым всполохом проходит по оголенным проводам и бьет наотмашь в солнечное сплетение.

Это она!

Та самая выскочка, которая сунула мне под нос средний палец, а потом свалила, выбесив настолько, что я еще полдня плевался огнем, как гребаный дракон.

Эта нелепица танцевала с каким-то зализанным хлыщом. Она лишь смеялась и отворачивалась, а он то хватал ее своей лапищей за круглую задницу, то лез с поцелуями. Лапал, как дешевку.

Дешевка и есть. Джинсы драные, наверху топ несуразный, сквозь которого в неоне просвечивает белое белье.

Я снова разозлился. Просто по щелчку, раз и готово. Захотелось проучить невоспитанную мерзавку, объяснить наглядно, что за такие выходки, как сегодня, могут быть большие проблемы. Устроить ей эти самые проблемы...

От созерцания рыжего распущенного безобразия меня отвлек Элин звонок.

– Привет, – я раздраженно отворачиваюсь от окна.

– Здравствуй, Демид, – мягкий голос будто обволакивает, успокаивает, – как дела?

– Работаю.

– Завтра позвонишь?

– Конечно.

– Хорошо. Не буду тебе мешать. Удачной ночи. – никаких претензий, истерик и выноса мозга.

Идеальная. Воспитанная. Утонченная. Умная! Знает, когда надо говорить, а когда молчать и не отвечать. Мне нравятся ее глаза – большие, темные, выразительные. В них таинственно мерцает загадка настоящей женщины. Я прусь от ее волос, которые шелковым шоколадным полотном распадаются по плечам, стоит только вытянуть шпильки...

...Взгляд сам снова ищет огненную копну. Не обнаруживает на прежнем месте и с непонятной яростью мечется по толпе. Находит, прилипает намертво.

Пока я болтал, парочка передвинулась ближе к выходу. Парень явно намеревался получить от рыжей хороший трах где-нибудь в туалете, ну или на крайний случай минет.

Я представляю это, в таких подробностях и красках, что аж передергивает.

– Сучка.

Ударяю ладонью по стеклу и отхожу вглубь комнаты.

К черту! Меня все это не касается. Плюхаюсь на кожаный диван и по привычке проверяю биржевые новости, почту, пытаюсь открыть новости, но в какой-то момент понимаю, что не понимаю смысла слов, а цифры просто стоят частоколом и не несут никакой информации.

В голове эта рыжая! Трясет своим пальцем и ухмыляется.

Я пытаюсь совладать с несвойственным мне всплеском эмоций, справиться с бессмысленным монстром, рвущимся на свободу, но проигрываю: вскакиваю с дивана и бросаюсь к выходу. Спускаюсь на первый этаж как раз вовремя, чтобы увидеть, как парочка сворачивает в сторону служебных коридоров.

Злюсь. Ни черта не понимаю почему, но злюсь...и иду следом за ними. На минуту притормаживаю возле двери, за которой они скрылись, пытаюсь найти зерно логики в своих действиях, но увы... его нет. Как и здравого смысла.

Тихо толкаю дверь, но не спешу врываться. Слушаю.

- Пусти, - ее голос какой-то вялый, слова путаются. Она хихикает, глупо и как-то совсем не весело.

Сместившись на шаг, наблюдаю за ними в узкую щель прихлопа.

- Хватит говняться. Тебе понравится, - парень тащит ее к черной старой колонке с раскуроченным динамиком.

- Стой, - снова глупый смех, - не надо.

Рыжая, вяло отталкивает настойчивого кобеля:

- Отпусти. Мне плохо.

- Ничего, сейчас хорошо будет, - он пытается расстегнуть пояс у нее на джинсах и усмехается так ублюдохному, уверенный, что все будет как он хочет.

Девушка что-то лопочет, но сопротивление все слабее, движения вялые замедленные, и голова как-то обессиленно запрокидывается назад. Тонкая рука на миг упирается в мужскую грудь, а потом безвольно падает вниз.

Да она обдолбанная в ноль!

Сама наглоталась или накачали? Смотрю на урода, который пытается стянуть с нее штаны, и с абсолютной четкостью понимаю, что не сама. Хер этот постарался.

И снова здравый смысл отступает. Казалось бы, дура заслужила такое отношение. Может, ей вообще не впервой вот так под кайфом подставлять задницу кому попало. Может, ей это даже нравится. Но я снова бешусь. В этот раз на столько, что тормоза окончательно отказывают.

Отрывисто стучу по косяку и распахиваю дверь.

- Так-так-так... И кто это у нас здесь?

Придурок отпрыгивает от девушки, роняет еще запечатанный презерватив на пол и поворачивается ко мне с осоловевшим видом.

Тоже обдолбанный, только его не размотало как эту рыжую бестолковую куклу.

- Не рано ли резину достал? - холодно интересуюсь у него, - еще даже с кнопкой на штанах не справился.

- Мужик, проваливай, - щенок что-то пытается тявкать, скалится, - не видишь, у нас тут приват.

- Я вижу накачанную девушку, которую ты собрался оприходовать против воли.

- Она не против.

- Да ты что?

Подхожу ближе и, зарывшись пятерней в рыжую гриву, рывком заставляю девчонку поднять голову. Руку обжигает, будто к настоящему огню притронулся. Она не может и слова сказать, открыть глаза. Только мычит, и в этом мычании улавливаю едва различимое «Не надо».

- Все у нее хорошо.

- Сейчас проверим, - достаю из заднего кармана телефон, - Ментам знакомым позвоню, мигом разберутся, кому тут хорошо, а кому не очень.

- Эй, чувак! - парень тут же идет на попятный, - какие менты...мы ж просто...

Затыкается, напорвшись на мой взгляд. Нервно дергает острым кадыком, а потом как ополоумевший теленок бросается мимо меня к дверям.

Дебил!

Рыжая тем временем сползает на пол и растекается по нему кривой лужей.

Бросить бы, но я снова почему-то остаюсь. Мало того, что остаюсь, так еще и пытаюсь поднять ее вялую тушку:

- Подъем.

- Уходи, - отмахивается и случайно плюхает ладонью мне по морде. Даже не замечает этого, пытается снова улечься, свернувшись в клубочек.

Я вообще в шоке. Тру щеку и пытаюсь найти хоть одну причину, по которой я должен находиться здесь, с ней. Нет таких причин. Кроме того тупоголового барана, который внезапно обнаружился во мне.

- Ну-ка встала. Живо! - подхватываю под обе руки, приводя ее в вертикальное положение.

Рыжая неуклюже мотается и падает мне на грудь. Утыкается носом, пальцами сминает рубашку и урчит, как довольная кошка:

- Тепленький.

Стою, разведя руки и как идиот пялюсь на это укумаренное нечто. Сквозь дымные запахи клуба пробивается что-то цветочное. Сладкая туалетная вода, дешевая, плоская, но я вдыхаю, и она триггером цепляет какие-то крючки внутри меня, пробивается внутрь, перекрывая собой все остальное.

Сразу становится сухо во рту и тесно в брюках. В висках гудит вскипевшая кровь и набатом бьет удивление.

Я никогда не ведусь на таких вот! Пустых, распущенных, дешевых. Они не подходят даже для случайного удовлетворения нужды!

Брезгливо морщусь и пытаюсь отодвинуть ее от себя:

- Прекрати.

Она мотает головой, так что рыжие пружинки волос скачут из стороны в сторону, и сильнее утыкается своей физиономией в меня.

- Живо.

- Не-ет, - всхлипывает по-детски, жалобно, и что-то у меня внутри снова ломается, дает сбой. Мне хочется прикоснуться к этим дурацким рыжим волосам, которые режут глаз, как беспокойное пламя.

- Забери меня отсюда, - едва шепчет она, - умоляю.

Именно это ее жалкое «умоляю» и тихий полувсхип-полустон окончательно выбивают почву у меня из-под ног.

Я об этом однозначно пожалую. Завтра. А сейчас:

- Идем.

Она послушно следует за мной. Ну как следует...на самом деле я тащу ее, обхватив за талию, а она только вяло переставляет свои длинные ноги, то и дело пытаюсь завалиться то в сторону, то мне на плечо.

Я на ходу вызываю такси и отзваниваюсь Артуру о том, что должен срочно уйти.

- Просто сваливаешь или важные дела? - интересуется он, не скрывая сарказма. Я в ответ рычу что-то невразумительное и убираю телефон.

Тем временем эти важные дела, пыхтят мне в шею и, по-моему, пытаются отключиться.

- Не спать! - встряхиваю ее без особых церемоний и тащу дальше.

Держу пари, она даже не признала во мне того мужика, которому с утра в нос тыкала неприличным жестом. Она походу вообще не понимала, где находится, что с ней происходит, кто рядом. Просто шла, куда вели.

Будь на моем месте кто-то другой, ее запросто могли увезти куда-нибудь к черту на куличики и толпой отодрать во все щели, а на утро бы она и не вспомнила об этом. А может уже и отвозили, и драли, и она действительно ни черта не помнит.

Сочувствия нет, жалости тоже. Только злость. Меня до красной пелены перед глазами бесит эта рыжая шалава...но я не могу бросить ее в таком плачевном состоянии.

Стаскиваю ее с крыльца, подальше от тех, кто вышел покурить, и никто из них, ни один чертов придурок не интересуется тем, куда я волоку практически бесчувственную девицу. Всем насрать.

Я подвожу ее к лавке, притаившейся в тени, и легонько толкаю, вынуждая сесть. Сам же мечусь как тигр в клетке, то и дело посматриваю на часы и на дорогу. Где это гребаное такси? Если я сейчас же не избавлюсь от рыжей заразы, меня просто разорвет.

На самом деле проходит всего пара минут, когда желтый автомобиль плавно притормаживает перед нами.

- Подъем! - встряхиваю девицу, - куда едем?

Она поднимает на меня мутный взгляд и недоуменно хмурится.

- Адрес! Где ты живешь?! Куда тебя везти?

Снова ноль понимания. И, как назло, у нее с собой нет ни сумки, ни документов, ничего.

- Адрес называй!

Что-то мурлыкает, и даже при большом желании я не могу разобрать ни слова.

Сейчас брошу ее прямо здесь! На это проклятой лавке. И уйду! Мне можно подумать делать больше нечего, кроме как с ней возиться.

Таксист тем временем теряет терпение, опускает переднее стекло и недовольно спрашивает:

- Ну вы едете или нет?

Смотрю на него, на рыжую, снова на него, потом на клуб, возле которого ржет толпа пьяных парней.

- Едем.

Мне кое-как удается затолкать девицу на заднее сиденье. Она тут же падает ничком, и пока я обхожу машину до противоположной двери, успевает заснуть.

Я раздраженно плюхаюсь рядом с ней, называю водителю адрес своей городской квартиры и отворачиваюсь к окну. Все происходящее кажется мне бредом. Какого черта я вообще в спасатели заделался?

Сладкий запах бьет по нервам, мне хочет одновременно помыть ее и вдохнуть поглубже. А еще не покоя эти чертовы волосы. Рыжие, яркие, беспорядочным облаком разметавшиеся вокруг бледного лица.

Не могу сдержаться. Прикасаюсь, пропускаю сквозь пальцы тугие локоны, чувствуя, как они словно шелк скользят по коже.

– Мне плохо, – стонет она и начинает давиться.

Черт, если ее сейчас вывернет у меня в прихожей, это вообще абзац будет.

Не особо церемонясь, тащу ее в туалет, где она тут же падает на колени, склоняясь перед унитазом, а я как конченный дебил держу шевелюру, чтобы она ее не изгваздала.

Мало мне было того, как тащил из машины до дома? Мало удивленных взглядом консьержки? Теперь еще это. Вечер продолжается.

– Все?

Она кивает, вытирая губы тыльной стороной ладони, и стекает по стене на пол:

– Воды. Пожалуйста.

О, рыжий кошмар знает слово «пожалуйста»? Приятный сюрприз.

Я все больше офигеваю от происходящего, но иду на кухню, наливаю полную кружку воды и возвращаюсь обратно.

– Держи.

Рыжая не шевелится, только мутный взгляд с трудом фокусируется на кружке.

– Вода, как ты просила.

Она с трудом облизывает полные, пересохшие губы и с видимым усилием протягивает руку. Меня перетряхивает, когда холодные, тонкие пальчики неуверенно скользят по моей руке. Будто током пробивает до самого пупка.

- Спасибо.

«Спасибо» тоже есть в базовой комплектации? Это радует.

Она делает несколько больших глотков, давится и, едва успевая сунуть мне кружку, снова склоняется над унитазом.

- Да твою мать, - в сердцах шиплю, глядя на худенькую скрюченную фигурку, - вот на хер я тебя притащил?

Это вопрос не к ней - она все равно не в состоянии ответить, а к себе.

Рыжая блюет еще полчаса. И мне приходится то и дело помогать, поддерживать ее, чтобы не нырнула в унитаз, потому что она никакая, обдолбанная в хлам. Я не знаю, чего говнюк ей подсыпал, но с этим надо разбираться. Если Швецов купит тот клуб, ему такие персонажи среди посетителей точно не нужны.

Когда «принцессу» наконец перестает полоскать, я тащу ее в ванну и не смотря на вялый неубедительный протест заталкиваю в душ. Прямо как есть, в одежде. Мне плевать. Если она останется в моем доме на ночь, то однозначно не в таком виде. Эта клубная вонь просто вымораживает.

Пока она отмокает под тропическим дождем, я иду в комнату и роюсь в шкафу. Эта студия - перевалочный пункт, вещей здесь у меня раз два и обчёлся, но футболку все-таки нахожу. Старую, застиранную, с облезшим рисунком. Ей давно место на помойке, но я почему-то хранил ее. Для особого случая.

Вот он, пожалуйста! Уж случай так случай.

На ходу прихватываю с полки свежее полотенце и возвращаюсь обратно. Как раз в тот момент, когда рыжая пытается улечься на дне душевой кабины,

скрутившись буквой зю.

– Как ты меня задолбала! – поднимаю ее на ноги, моментально вымокнув под горячими струями, а потом и вовсе вытаскиваю наружу. – Раздевайся.

Она упрямо качает головой и мелкие брызги летят во все стороны.

– Не зли меня.

Снова мотает головой и для верности прикрывает грудь рукой. Она серьезно думает, что вот это вот недоразумение может вызвать у взрослого состоявшегося мужика приступ похоти?

– Вот полотенце, – тыкаю им чуть ли не в самую шальную физиономию, – вот футболка. Я выйду и вернусь через две минуты. Чтобы была готова. Ясно?

Снова мутный взгляд, складка между аккуратными бровями и закушенные губы.

– Все, держи, – сую тряпки ей в руки и вываливаюсь из ванной.

На хрена я ее привез? Вот на хрена? Я понять не могу. Что за приступ добродетели?

С меня течет. Рваными движениями расстегиваю рубашку, едва не сорвав все пуговицы. Плевать. Все равно выкидывать, потому что в тех местах, куда утыкалась физиономия рыжей, остались темные подтеки туши.

Переодеваюсь в домашний спортивный костюм и возвращаюсь в ванну.

– Готова?

Ни черта не готова. Стоит, прислонившись задницей к раковине, и неумело пытается расстегнуть кнопку на джинсах, при этом мотается из стороны в сторону. Волосы висят рыжими сосульками, на полу уже лужа.

– Сколько можно копаться? – отталкиваю в сторону ее вялые руки и сам начинаю расстегивать.

Она снова мычит, пытается отодвинуться от меня

– Хватит дергаться! Я не собираюсь тебя лапать.

Пальцы сами задевают за плоский живот, когда пытаюсь подлезть и расстегнуть молнию. И снова десятки иголок жгут, продираются сквозь кожу и расходятся бешеным огнем по венам.

– Готово! Снимай.

Рыжая пытается стащить с себя джинсы, но ее так мотает из стороны в сторону, что мне снова приходится ее ловить.

– Понятно, – сам хватаюсь за пояс и тяну вниз.

Сырая ткань липнет к коже, затрудняя движение. Вдобавок джинсы такие узкие на бедрах, что мне даже с трудом удастся их приспустить. Присаживаюсь рядом с ней на корточки, чтобы было удобнее и снова тяну. Рывком, до самых колен.

Взгляд утыкается в ее трусы. Синие. Простые. На причинном месте изображен ежик.

Ежик, мать вашу!

Я просто залипаю на нем. Таращусь, как ненормальный. Еж в ответ таращится на меня. Картина маслом.

От созерцания прекрасного меня отвлекает рыжая. Ее ведет вперед, и она чуть не падает, в последний момент ухватившись мне за плечи, при этом я утыкаюсь лбом в мягкий живот. Поперек горла встает колючий ком, и я с трудом его сглатываю.

Это просто...Слов нет.

Отпихиваю ее от себя, стаскиваю штанину сначала с одной ноги, потом со второй, уже не пытаюсь разобраться с тем, что кипит внутри. Каждое прикосновение к этой кукле – как разряд.

Отбрасываю сырые джинсы и поднимаюсь:

– Остальное снимай! Да не трясись ты, я отвернусь.

Терпение, только терпение.

Я действительно отворачиваюсь. Только у меня там зеркало от пола до потолка, и я прекрасно вижу, как рыжая стягивает свой дурацкий топик и остается в несурзном белье. Верх белый, низ синий. Это она в таком наряде отправилась на встречу к приключениям?

Что-то не стыкуется, царапает, но я не в том состоянии чтобы разобраться. Тем более следом за топиком на пол отправляется и сырой лифчик.

Узкая спина, родинка под лопаткой, аккуратные впадинки чуть ниже талии... Мне хочется, чтобы она развернулась, но рыжая стоит, ухватившись за стену, а потом начинает стягивать трусы.

Твою мать.

На этом моя выдержка заканчивается, и я просто сваливаю из ванной, подальше от этой ведьмы.

Рыжая выползает минут через десять, когда я уже начинаю подозревать, что она там уснула. Идет по стеночке, едва переставляя ноги. Глаза прикрыты, на голове кое-как намотано полотенце. Вся бледная, почти зеленая, и я даже издали вижу мурашки, покрывающие ее руки.

Моя футболка на ней, как бесформенное платье до середины бедра. Полностью прикрывает все перегибы, но, к сожалению, не может скрыть острых торчащих сосков. Я снова зависаю. Это как наваждение, от которого никак не получается

отделаться. Она обычная. Да стройная, симпатичная, но таких тысячи, если не миллионы, и ни на ком я прежде так не зависал. Рассматривал, трогал, брал, но вот чтоб так ... прятать кулаки в брюках, чтобы не было соблазна прикоснуться – впервые.

– Ложись спать, – киваю на разобранный диван.

– Я...домой, – она мотает головой и что-то пытается блеять, при этом полотенце сползает и падет на пол.

– Завтра!

Я рычу, как нервный медведь, которого разбудили посреди спячки. Никогда такого не было. Мой девиз по жизни – это выдержка и холодная голова. Всегда, во всем. Но сегодня где-то во Вселенной произошел сбой. Иначе чем объяснить, присутствие этой особы у меня в квартире и мое собственное состояние?

Рыжая еще с минуту тупит, потом покорно кивает и идет к дивану. Я даже опомниться не успеваю, как она укладывается, натягивает одеяло по самые уши и засыпает.

– Зараза!

Мне не до сна. Я иду в ванну и убираю тот беспорядок, что она там устроила. Тру пол, отжимаю и развешиваю ее одежду, стараясь не пялиться на проклятого ежа, который все так же настойчиво таращится с ее трусов. Потом сам залезаю в душ, под горячие струи, тщетно пытаюсь смыть с себя безумие сегодняшнего дня. Стоит прикрыть глаза и перед мысленным взором тут же возникает родинка на бледной лопатке, тонкая шея, изящно переходящая в ключицы... Ну на хрен.

Переключаю воду на холодную. Из легких тут же выбивает весь воздух, мышцы протестующе напрягаются, но зато в голове становится тихо. Терплю насколько хватает сил, и когда уже зуб на зуб не попадает, шлепаю ладонью по кнопке выключателя. Упираюсь в стену и, опустив голову, пытаюсь перевести дыхание, которое как у загнанной лошади с хрипами вырывается из горла.

Легче. Ненамного, но легче.

На выходе из ванной я уже похож на прежнего нормального Демида Барханова, а не на бешеного придурка, притащившего к себе в нору что-то рыжее и непонятное.

Это рыжее, кстати, по-хозяйски развалилось на моем диване и мирно сопело.

Интересно, а где спать мне? Однокомнатная студия как бы изначально не подразумевала наличия нескольких спальных мест, а учитывая, что пользовался я ей в крайних случаях – только когда за город было лень ехать, то и подавно.

– Ну-ка двигайся, – бесцеремонно отодвигаю ее к самой стенке и заваливаюсь рядом, прямо в одежде, – поворчи мне еще там!

Она что-то бутит, не просыпаясь, хмурится и отворачивается.

Вот и славно.

У меня самого сна ни в одном глазу, поэтому включаю телевизор и лениво перещелкиваю каналы, пытаюсь найти что-то интересное. Как назло пусто. Да и не хочется ничего, поэтому пройдясь еще раз по списку каналов, выключаю телек и берусь за телефон.

Листаю какие-то картинки, читаю новости и всеми силами пытаюсь убедить себя, что ничего странного не происходит. Что это нормально, вот так проводить время, когда под боком сопит девка, которой я имени даже не знаю. Даже не случайная любовница, а просто незнакомая ведьма, не понятно каким образом проникшая в мой дом и в мои мысли.

Рыжая будто чувствует, что я думаю о ней. Возится, пыхтит, а потом поворачивается с боку на бок и как-то совершенно естественно обнимает меня. Я не двигаюсь, жду что дальше, но она лишь сладко причмокивает, подвигается ближе и продолжает спать.

Ее рыжие волосы щекочут мне шею, сладкий запах все так же пробивается на подкорку, и сердце гремит где-то в животе, но я ее не отталкиваю. Сам не знаю почему.

Глава 3

Утро начинается с того, что рядом кто-то возится и кряхтит. Требуется пару секунд, что вспомнить, где я и что произошло вчера.

Клуб. Рыжая. У меня в городской квартире.

Едва приоткрыв один глаз наблюдаю за тем, как она морщится, зевает, трет руками сонную физиономию, а потом переворачивается на бок и видит меня...

Мимолетное испуганное затишье, я потом ее как ветром сдувает с дивана. Скачет прямо по мне. Я только охаю, когда острая коленка упирается в живот в опасной близости от паха. Девушка кубарем скатывается на пол и отпрыгивает к стене, не отводя от меня затравленного взгляда, при этом пытается натянуть пониже край широкой футболки.

У нее глаза огромные, как блюдца, и в них не только страх, но и узнавание.

– Ну, здравствуй, – я укладываюсь поудобнее, подпираю щеку рукой и, не стесняясь, рассматриваю ее. В упор, как я умею. Подчиненные на работе ссутся от страха в этот момент. Рыжая тоже не выдерживает:

– Отвернись! – выпаливает она, продолжая тянуть футболку вниз, при этом якобы незаметно щупает себя, в тщетных поисках трусов. Понимает, что их нет и глаза становятся еще больше.

Я ее мучения облегчать не собираюсь:

– Что я там не видел?

Она возмущенно охает и краснеет еще больше. Морщится. И мне даже кажется, что сейчас заревет.

Размечтался.

Стискивает челюсти, упрямо вскидывает подбородок и с вызовом смотрит на меня.

Хм...Мне даже становится интересно. Ее реакция меня забавляет.

- Как тебя зовут?

- Решил познакомиться? - нагло отвечает она, тут же вызывая желание надавать по заднице.

Топорщится, как задиристый воробей, но вижу, что нервничает, боится. При этом взглядом шныряет по углам в поисках своих несчастных шмоток.

- Должен же я знать, кто всю ночь храпел у меня под боком.

- Перебьешься!

Кажется, кто-то забывается. Приняла меня за приятеля-студентика, рядом с которым можно вести себя как оторва? Зря

- Знаешь, а мне плевать и на тебя, и на твое несчастное имя. Уверен, в нем нет ничего особенного.

От холода, которым окатываю, она вздрагивает, на миг превращается в маленькую растерянную девочку. Не привыкла, что осаживают, не знает, как себя вести. Но надо отдать должное, подбирается быстро:

- Да? - глазенки сердито стреляют в мою сторону, - раз ничего особенного, то зачем притащил сюда? Может, ты маньяк?

- Маньяк? - поднимаюсь с дивана и подхожу к ней.

- Да. Приволок меня сюда, против воли!

- Ммм, - подступаю еще на шаг ближе, смотрю сверху вниз, заставляя ее отступить, пятиться пока не упирается спиной в стену, - мне надо было оставить

тебя в клубе, Ежик? С тем хлыщом, который тебя накачал и уже стягивал штаны, когда я появился?

Она снова вспыхивает. Взгляд смущенный и одновременно возмущённый. Она меня ненавидит. Несмотря на то, что спас – ненавидит. Эмоции как на ладони, хлещут, обжигая своей откровенностью, вызывая странную потребность собрать их, присвоить.

– А может, у тебя программа на вечер такая была? Подставиться первому попавшемуся уроду, проблеваться в общественном сортире, а потом спать где-нибудь посреди хлама?

Вскидывает на меня яростный взгляд. Рыжая, а глаза темные, почти черные. Странное сочетание. Цепляет.

– Если так, то можешь быть спокойна. Большую часть выполнила – и проблевалась и спала без задних ног.

Глаза округляются и в них замирает невысказанный вопрос.

– Облолбанные девки меня не заводят. С этим не ко мне. Думаю, проблем с поиском кобелей не испытываешь?

Рыжая возмущённо хватается за рот, а потом цедит сквозь зубы:

– Я вообще-то еще девственница.

Я смотрю на худые, подтянутые ноги, на мою футболку едва прикрывающую стройные бедра и снова чувствую такой прилив, что в паху все сводит.

На хрена мне эта информация? Какое мне дело до того, девственница она или нет? Вообще похер.

Снова возвращаюсь взглядом к ее ногам.

Да ну на фиг? Какая девственница? Пиздеж. Наглый и беспросветный. Не понятно только для чего.

- Мои соболезнования, Ежик, - цинично насмехаюсь в ответ на ее липовое признание.

- Хватит меня так называть! Какой я тебе ежик?

Я только жму плечами. Пояснять ничего не собираюсь. Пусть думает, что хочет.

Она тем временем пытается перескочить на другую тему:

- Раз такой благородный...мог бы отдать мне диван, а сам лечь...на пол.

Обалдеть. Она еще и с претензиями.

- Не мог. Это мой дом и мой диван.

- Как же гостеприимство? - пытается ерничать.

- Не ко мне.

Я не поддаюсь на ее провокации и не позволяю вывести себя на эмоции. Смотрю все так же холодно, равнодушно, прекрасно зная, что ничто не отразится на моем лице. Ледяная маска, через которую этой дурочке не пробиться. И она это понимает. Чувствует, что ее мартышкины ужимки и шумное, по подростковому необоснованное возмущение никого не интересует и недовольно замолкает. Смотрит все так же с вызовом, дышит тяжело. И снова сквозь футболку я вижу ее напрягшиеся соски.

Черт...

-Где мои вещи? Я хочу уйти! Или может нельзя?

На долю секунды хочется сказать, что сжег ее тряпки, но держусь. Нет желания выслушивать дешевые истерики.

- Никто не держит. Твое барахло сохнет в ванной.

Она хочет уйти, но я стою поперек дороги, поэтому ей приходится по стеночке меня обходить. При этом она так старается ненароком меня не задеть, что даже не дышит в этот момент.

Чудная. И это мягко сказано.

Оказавшись от меня на расстоянии вытянутой руки, она бросается прочь. Я только вижу, как мелькают ее маленькие розовые пятки.

Мне кто-нибудь может объяснить, как вообще это безобразие оказалось в моей квартире? Что это за приступ добродетели я вчера словил? Идиот.

Выхожу следом за ней в коридор и жду, когда эта ведьма соберется. Пора ее выпроваживать из моего дома. Она меня напрягает. Какой-то резонанс в груди на каждый ее взгляд, каждое слово.

Из ванной доносится какая-то возня и ругань, потом дверь распахивается, громко бахнув по стене, и на пороге появляется моя ночная гостья. Наспех одетая и такая возмущенная, что чуть ли не жаром пышет.

- Ты! - яростно тычет пальцем в мою сторону пальцем, - ты!

Я подпираю плечом стену и исподлобья смотрю на эту чуму:

- тебе не кажется, что у тебя проблемы с формулировкой мысли.

Она пропускает мою фразу мимо ушей и выпаливает на одном дыхании.

- Я поняла, почему ты называешь меня Ежиком!

- Умница.

- Ты видел мое белье!

- Я тебе больше скажу...я его снимал.

Мне нравится, как эта коза краснеет. Нравится выбивать ее из состояния равновесия. Это какая-то странная игра, смысла которой я пока не понимаю.

- Мне не нравится это прозвище!

- Переживешь. Раз я не знаю твоего имени, то буду называть, как захочу.

Она шипит, как маленькая злая кошка, но все равно не признается. Вместо этого идет к двери

- Куда собралась?

- Ухожу! Или нельзя?

- Скатертью дорога.

Наблюдаю за тем, как она путается со шнурками на кедах. Мой взгляд ее явно нервирует. Тоненькие пальчики подрагивают от возмущения и каждое ее движение – как маленький взрыв.

Наконец, с обувью покончено. Рыжая выпрямляется, водит взглядом по сторонам, явно что-то выискивая, а потом недовольно выдает:

- Где моя сумка?

- В душе не ведаю. Когда я тебя забирал не было никакой сумки, – и опережая следующую ее реплику, добавляю, – и нет. Я не собирался бегать по клубу и искать твое барахло.

Смотрю на нее и давлюсь странной смесью эмоций. Мне хочется, чтобы она поскорее свалила, злюсь оттого, что мерзавка не называет свое имя, испытываю дикую потребность приструнить, поставить на место, и еще внутри ворочается что-то чему я не могу дать определения.

Она бросается к двери, будто за ней черти гонятся.

- Стоять!

Этот ее топ, сползающий на одно плечо и белый лифчик, светящий сквозь дырки, просто бьют по глазам. Бесит, что в таком виде будет расхаживать по улице.

- Еще чего!

Огненные всполохи в ее глазах выводят из себя. В ней все не так! Неправильно. Шумная, невоспитанная, наглая. Неблагодарная!

- Я сказал стоять, - цежу так холодно, что у самого зубы сводит. Достаяю из кармана телефон: - Адрес называй.

- Ленина, восемнадцать.

- Нормальный адрес! - хочу отправить эту нахалку домой.

- Мне нужно в клуб! - топорщится она, - я сумку там забыла.

Боюсь, ее сумку прихватил уже кто-нибудь из той пьяной толпы, что бесновалась вчера на танцполе.

- Забей.

- Ты что! Там же телефон, - испуганно выдает она, - если потеряю, мама меня прибьет. Она наверняка мне звонила! А я не ответила! Ты представляешь, что мне дома будет?

Не представляю и представлять не хочу. Но меня, если честно, сразила паника, звенящая в ее словах. Рыжая беда боится мамы? Чего-то я в этой жизни не понимаю.

Наверное, именно поэтому и уступаю.

- Хорошо, в клуб так клуб.

Недовольно поджав губы, наблюдает за тем, как я вызываю такси.

– Я верну деньги, – с вызовом смотрит на меня, – с процентами, если захочешь.

Медленно скольжу взглядом от тонких щиколоток и наверх, задерживаясь на прорехах на джинсах, на голом пупке, на белье просвечивающим сквозь топик.

– Боюсь, мои проценты тебе не по карману. Лучше одежды нормальной купи.

В ответ на обидные слова, она снова подбирается. Резко отворачивается и я снова слышу кошачье шипение:

– Зато я...

– Все. Мне не интересно. На выход, – я сам распахиваю перед ней дверь.

Рыжая награждает меня прощальным возмущенным взглядом, гордо задирает свой хорошенький носик и с видом оскорбленной королевы выходит за порог.

Ведьма!

Спровадив рыжую нечисть, я вызываю такси уже для самого себя и еду домой. Надо переодеться, взять документы и на пару часов заехать в офис. Очередная встреча с поставщиками – то, что нужно, чтобы выкинуть из головы эту странную ночь.

К сожалению, я тоже могу ошибаться. Ни фига встреча не помогла. И из головы ничего не выветривается, хоть ты тресни. Наоборот, только хуже становится с каждым мигом.

Представитель старается изо всех сил, расписывает мне перспективы и выгоды сотрудничества, а я его даже не слышу. Щелкаю ручкой, смотрю в одну точку и гоняю в голове возмущенные слова рыжей.

Я вообще-то девственница

И что с того? Вот лично для меня какая разница девственница она или нет?

Никакой!

Однако эти слова преследуют меня весь день. Пока работаю, пока обедаю в знакомом ресторане, пока еду еще на одну внеплановую встречу. И вечером, когда мы встречаемся у Эли дома, я смотрю на нее, а вижу рыжую. Целую, а в памяти звенит «девственница». Даже когда устраиваюсь между стройных ног, все равно мысли заняты рыжим чудовищем.

– Останешься на ночь? – спрашивает Эля чуть позже, когда мы лежим на шелковых простынях и переводим дыхание. Ласково трется кончиком носа о мою щеку.

Тащится за город лень, в городскую квартиру нет никакого желания возвращаться, потому что снова вспомню «девственницу», поэтому решаю провести ночь у нее.

– Почему бы и нет, – жму плечами, притягиваю ее к себе ближе и касаюсь губами волос. Шелк цвета горького шоколада.

Она удовлетворенно жмурится и целует в шею, игриво прикусывая. Намек на то, что будет продолжение.

– Ты сегодня так напряжен, – устраивается у меня на груди и аккуратно водит наманикюренным пальчиком, выписывая непонятный рисунок. Ее гибкое обнаженное тело, прижимается к моему. Тепло, хорошо, спокойно...если не обращать внимания на непонятный гул за грудиной, – много работы?

– Да, – вру, не моргнув глазом, – полный завал. Такой клиент проблемный попался, ума не приложу, как от него избавиться.

– Я уверена, ты справишься.

Я тоже уверен... Вроде бы...

Может, если ночь переждать, то все наладится? Из памяти выветрятся нелепые слова и аромат дешевеньких духов? Еж этот дурацкий померкнет и не будет в воспоминаниях тарашиться на меня.

Я очень на это рассчитываю. Потому что вот такое...вообще мне на хрен не нужно. Когда мысли о беспечной девке отвлекают оттого, что по-настоящему важно, от работы, постоянных отношений, от самого себя.

– Завтра днем у меня свободный час. Пообедаем?

– Конечно, – лениво киваю в ответ на ее слова.

– Я позвоню, перед тем как приехать к тебе. Уточню, сможешь ли.

Она идеальна. То, что нужно для размеренной жизни. Крепкий тыл, такт, понимание. Ум, красота, манеры, как у королевы. Надо брать.

Почему-то именно в этот момент, я принимаю решение, что мне пора жениться, и лучше Эли на эту роль никого не найти. Мы уже пару лет вместе, она доказала, что достойна носить мою фамилию. Так чего откладывать? Завтра на обеде сделаю предложение и дело с концом.

Дожидаюсь, когда она заснет и пишу своей помощнице. Поручаю ей отправиться с утра в ювелирный и купить кольцо. Дорогое, изысканное, статусное. Такое которое подойдет моей невесте. Деньги значения не имеют.

Эля приезжает ровно к тому времени, на которое мы с ней договариваемся. В черном брючном костюме она похожа на пантеру. Гибкую, величественную, хищную. Шагает рядом со мной, взгляд уверенный, горды, спокойный. Никакого неконтролируемого пламени и вспышек, все ровно, все как надо.

Заставляю себя любоваться ею, подмечаю все плюсы: идеально очерченные, ровные губы, прямой аристократичный нос, изящный овал подбородка. Движения мягкие, размеренные. Благородные духи истинной леди. Она ведет себя как женщина, прекрасно знающая себе цену. И цена эта запредельно

высока. Я сам такую выбирал и на дешевку не согласен.

Она совершенна.

Но именно сегодня мне чего-то не хватает в этом совершенстве.

...Взглядов. Чтобы остро, исподлобья, едва сдерживая безалаберный ураган.

...Движений не хватает. Взбалмошных, экспрессивных.

...И волос. Ярких, как непокорное пламя, непослушных, торчащих беспорядочной копной.

...И дурацкого химозного запаха цветов.

Я твердо решил сделать Эле предложение и знаю, что она не откажется, но постоянно думаю о том, нашла ли рыжая ведьма свою сумку в клубе, добралась ли до дома, получила ли заслуженных пиздюлей от матери. И как ее все-таки зовут. Неутихающий интерес напрягает, потому что в моей жизни все строго, размерено и без такого барахла. Но тем не менее барахло прочно засело у меня в голове.

Я объясняю это тем, что меня раздражает беспорядок и я испытываю дикую потребность все переделать, перекроить под себя. Прогнуть по-своему. Да я чертов маньяк, педант и перфекционист.

– Какие планы на вечер? – интересуется Эля, когда мы с ней остаемся наедине в большом лифте.

Смотрит на меня пристально, с намеком на сдержанный призыв. А я внезапно думаю о том, согласится ли она раздвинуть ноги прямо здесь в лифте, чтобы эмоции зашкаливали от безумства и адреналина?

Не согласится, да и я не идиот чтобы такой херней страдать. К черту адреналин.

– В семь последняя встреча и я свободен.

Поднимает одну бровь, ожидая продолжения.

– Как насчет ресторана? Бельвью? – я выбираю лучшее место, – в девять?

– С удовольствием. А сейчас куда?

– Туда, где обслуживают быстро и качественно. У меня не так много времени.

– Я знаю отличное место, – тут же подхватывает она. И я уверен, что место действительно отменное. С хорошей кузней, отутюженной обстановкой и учтивым персоналом. Эля говна не посоветует.

– Сегодня без водителя?

– Я еще не настолько обленился, – криво усмехаюсь и поправляю галстук. – в состоянии сам сгонять на обед.

Водитель обычно нужен, когда планировалось несколько встреч, и в дороге я должен был работать.

Двери распахиваются, и мы выходим в просторный холл. Ее теплая ладонь едва уловимо лежит на сгибе моего локтя. И я снова раздражаюсь оттого, что практически не чувствую ее.

Мы выходим на парковку и еще издали я подмечаю бежевую бумажку, прижатую дворниками к лобовому стеклу. Но чем ближе подхожу, тем яснее видно, что это не просто сложенный листок, а конверт.

– Это что? – интересуется Эля, указывая взглядом странный артефакт.

– Понятия не имею. Очередная убогая реклама, – я распахиваю перед ней дверь, помогаю сесть внутрь, а потом иду к месту водителя, на ходу выдергивая из-под дворника конверт. В нем что-то звенит. На ощупь – монеты.

Первый порыв – выбросить все в мусорку, но меня сбивает звонок от Артура. Я жму кнопку ответить и на автомате засовываю конверт в карман пиджака, тут же о нем забывая.

Только приехав на обед, я понимаю, что забыл главное – кольцо. Исполнительная помощница с самого утра выложила передо мной коробочку с золотой цацкой и счет за нее. Счет не впечатлил, цацка тоже, но Эле должно было понравиться. И понравилось бы, если бы я его с собой взял.

Так что предложение пришлось отложить до лучших времен. До вечера. Так даже лучше. Не надо торопиться и делать это впопыхах.

Мы спокойно обедаем, обсуждаем последние новости, потом я отвожу ее на работу, а сам возвращаюсь в офис и тут же с головой погружаюсь в дела. Сосредотачиваюсь на главном, а все ненужное и малозначимое остается за пределами моей видимости.

Последняя встреча заканчивается чуть раньше, чем я ожидал, поэтому перед тем, как уйти, еще раз проверяю почту, делаю пометки относительно дел на завтра, настраиваюсь на томный вечер. В какой-то момент сую руку в карман и недоуменно хмурюсь, нащупав там что-то инородное.

Это оказывается бежевый потрепанный конверт, который сегодня нашел под дворниками. Совсем о нем забыл.

Небрежно кручу его в руках, рассматривая со всех сторон. Явно самодельный. Кто-то не поленился выкроить его из листа цветной бумаги и криво склеить.

Мне не интересен ни адресат, ни содержимое, но звон монет внутри почему-то привлекает мое внимание и вместо того, чтобы отправить конверт туда, где ему самое место – в мусорное ведро, я срываю край и вытряхиваю его содержимое на стол.

Монеты по пять, десять рублей. Одна из них проворно катится к краю стола, но я успеваю остановить падение, прихлопнув ее ладонью. На автомате пересчитываю. Почти двести рублей.

И что это?

Заглядываю в конверт в поисках ответов и обнаруживаю квадратный лист из канцелярского набора. Первое же слово, которое я на нем вижу, вводит меня в состояние легкого ступора.

«Замороженному»

Это кого так ласково? Представился посиневший забулдыга замерзшей с соплей под сизым носом.

Переворачиваю лист и читаю, что написано с другой стороны. Дважды читаю. Потому что первого раза не доходит, не укладывается в голове.

«Спасибо. За то что увез из клуба. Деньги за такси возвращаю. С процентами, как обещала. Ни в чем себе не отказывай»

Вот сучка!

Эта рыжая зараза вспомнила, где мы встретились в первый раз и специально приперлась, чтобы оставить мне послание? Очень живо представил, как она, высунув от усердия язык, запикивает конверт под мои дворники, а потом довольно ухмыляется и сбегает.

Охренеть. Она вообще с головой не дружит?

Тут до меня доходит, что Замороженный это никто иной, как я. И тут же закипаю, едва пар из ушей не валит. Аж с места вскакиваю. У меня внутри стягивается такая тугая пружина, что еще миг и рванет.

Выскачка рыжая. Деревня, мать ее!

Сам не знаю зачем открываю приложение такси и проверяю, сколько списалось за ее поездку. На три рубля меньше, чем оставила она. С процентами значит вернула?

Я понимаю, что бестолочь просто стебется, в очередной раз показывая отсутствие манер, и что надо просто отвернуться и забыть... понимаю, но не делаю этого. Все внутри полыхает и требует устроить ей такой разнос, чтобы в

голове ее раз и навсегда прояснилось, где ее место и кто есть кто в этой жизни.

Поэтому я вылетаю из кабинета, спускаюсь вниз и врываюсь в комнату охраны. При моем появлении вечерний охранник подскакивает и вытягивается по струнке:

– Демид Сергеевич? Что...

– Проверить кое-что надо, – я хватаю стул, усаживаюсь ближе к камерам и жестом приказываю ему сесть рядом, – Хочу знать, кто подходил к моей машине.

Парень тут же впрягается:

– Временной промежуток?

– До часа дня.

– Кого мы ищем?

Хочется сказать «рыжее недоразумение», но сдерживаюсь. Пусть сам работает.

Одна из камер установлена так, что обзор упирается прямо в мою машину. Охранник ускоряет запись, пролистывая вперед, и я наблюдаю как люди на экране торопливо пробегают мимо.

...А потом подъезжает велосипед.

– Вот! – склоняюсь ближе к экрану, жадно всматриваюсь, боясь пропустить любую мелочь.

Рыжая в кислотно-розовых леггинсах, белых кроссовках на высокой платформе и в голубой футболке. На голове кепка, козырьком назад. Волосы в этот раз заплетены в две тугие косы. Все так же нелепо и безвкусно.

Я наблюдаю за тем, как она ставит свой велосипед на подножку, воровато оглядывается, а потом достает из заднего кармана несчастный конверт. Еще раз

смотрит по сторонам и, убедившись, что никого рядом нет, смело шагает к машине.

У меня яйца поджимаются, когда вижу, как неаккуратно хватается дворник, оттягивает его и, не удержав, со всей дури шлепает по стеклу.

Ну что за бегемотиха! Вроде маленькая, хилая, а как слон в посудной лавке.

Неудачная попытка не отбивает у нее желание напакостить, поэтому снова хватается за несчастный дворник. В этот раз удачнее и не так примитивно. Лишь слегка приподнимает его, трясет конвертом, явно прислушиваясь к звону медяков, и сует его на стекло. После этого отступает, с довольным видом отряхивает руки, будто хорошо поработала, еще раз окидывает мою машину взглядом и, пританцовывая, возвращается к велосипеду. Отщелкивает подножку и проворно срывается с места.

Так выходит, что она движется в сторону камеры. Поэтому в какой-то момент я вижу достаточно четкое изображение ее физиономии.

– Стоп!

Охранник щелкает по кнопке, и я теперь могу рассмотреть блаженную физиономию, на которой застыло выражение крайнего удовлетворения.

Попалась, зараза! Теперь точно попалась.

– Вот, хулиганка! – ворчит парень, и за напускным недовольством мне слышатся нотки восхищения, – пороть таких надо.

Да. Пороть. Ремнем, по голой жопе, чтобы потом неделю сидеть не могла. И я готов сам лично заняться ее воспитанием.

– Перекинь это на почту Роману, – отдаю напоследок распоряжение и выхожу из комнаты, попутно набирая телефон начальника службы безопасности.

Он отвечает моментально. Будто только и ждет моего звонка.

- Ром, дело есть. Одну особу надо найти.

- Входные данные.

- Запись с камер у тебя на почте.

- И все?

- Да, - задумываюсь на миг и зачем-то добавляю, - Девка. Молодая. Рыжая.

- Дем, знаешь, сколько таких молодых да рыжих по городу бегают? Тьма!

О нет, такая точно одна. И мне очень хочется ее найти.

Настолько, что все мысли только об этом и я едва не опаздываю на ужин с Эльвирой, при этом снова забываю проклятое кольцо.

Глава 4

Пирог с курагой был не очень. Суховат. Наверное, именно поэтому я подавилась, когда Дашка Кутузова нарисовалась рядом с нами.

Люблю Дашку. Вот прямо до красных уточек перед глазами.

...Так бы и прибила.

- Ты все жрешь? - глумливо спрашивает она, кивая на надкусанный пирожок.

- А ты все завидуешь? - киваю на ее пятую точку, которая далека от идеала.

Ее глаза сердито сверкают, но на губах улыбка. Мы же подруги. Просто не разлей вода.

Это я конечно утрирую. Не подруги ни разу, но так сложилось, что крутимся в одной компании с первого курса. И рады бы разойтись по углам, да никак. Спасает только то, что в параллельных группах, а не в одной и сталкиваемся только на совмещенных парах. Ну и на всяких тусовках. А сейчас, похоже, намечается одна из них:

- Девочки, почему бы нам с вами перед сессией, для поднятия боевого духа, не организовать коллективное свидание? – она выдает гениальное предложение.

- Групповуху что ли?

- Фу, как грубо! Это как двойные свидания, только не двойные...а более объемные.

- В общем, обычный сабантуй?

- Да, – Дашка довольно кивает, – но обязательное требование – придти с парой.

- У меня нет пары, – тут же ворчит Алина.

- И у меня, – подхватывает Оксана.

- У нас вообще ни у кого нет пары, – подводит итог дотошная Ленка, – в нашем отряде все птицы вольные. Кто-то давно, кто-то недавно.

- И только Лерка неизменно в старых девах ходит, – с деланным сожалением вздыхает Дашка, и мне очень хочется ее пнуть.

Жалею, что когда-то мне было весело и пьяно, и я была настолько не в себе, что прилюдно похвасталась, мол ни разу ни день-день и жду того самого. Единственного и неповторимого. Желательно в сверкающих доспехах и на белом коне.

Веселье прошло, все пьяные разговоры забылись, кроме этого. И теперь Дашка каждый раз, когда не знала, чем меня уесть, заводила разговор на эту тему.

– Так и помрешь девственницей, – потешается она, – но так и быть. Тебя тоже приглашу. Посмотришь хоть на то, как взрослые отдыхают.

Я показываю ей язык и продолжаю жевать невкусный пирог, попутно запивая его приторным кофе три в одном.

К счастью, неудобный разговор быстро разворачивается в сторону главного вопроса, волнующего всех студентов. В сторону сессии. Коллоквиумы сданы, зачеты получены, остается всего ничего – сдать четыре экзамена и можно выдохнуть.

Обсуждая преподавов, шпоры и расписания, мы выходим на крыльцо. И в этот момент меня настигает телефонный звонок. Я отвлекаюсь, а Дашка тем временем томно выдыхает:

– О-о-о, девочки, держите меня. Это он! Мужчина моей мечты!

Мужчина ее мечты меня интересует мало, потому что старенький телефон урчит где-то в недрах сумки и мне жизненно необходимо его найти. Это наверняка мама звонит и, если я снова не отвечу – она таких люлей мне навешает, что и представить страшно.

Я еще после пятницы в себя не пришла. На меня так в жизни не орал! Правда я так еще ни разу и не косячила. Мало того, что всю ночь где-то шлялась, на звонки не отвечала, так еще и телефон нормальный потеряла и сумку.

Мне было очень стыдно. Настолько, что теперь всеми силами старалась быть примерной дочерью. Хотя бы пару недель. Хоть на время сессии. Потом наверняка снова накосячу, но к тому времени маман должно отпустить.

– Мам, привет! – поспешно пыхчу в трубку.

– Ты где? – без приветствий начинает она. После последнего прокола она мне не доверяет.

– В университете. Сейчас была консультация по философии. Нам выдали список вопросов, рассказали о том, как будет проходить экзамен в этом году, – лопочу,

подробно рассказываю о том, какая я молодец. Как учусь в поте лица. Стараюсь. Просто девочка-одуванчик.

Мама добреет:

– Ладно, пигалица, живи, – произносит уже добродушно, и я облегченно выдыхаю, при этом краем уха, как где-то позади бухтит Дашка:

– Держу пари, он приехал сюда за мной.

Сейчас включит режим обольстительницы. Перекинет волосы через плечо, начнет прогибаться, старательно показывая наличие груди в организме, и кокетливо закусывать губы в попытках очаровать неведомого мужика. Все, как всегда. У нее одна схема. И надо сказать весьма действенная, потому что парней она меняет как перчатки и уже даже не помнит, что такое девственность и в каком месте она вообще находится.

Я все еще не смотрю. Мне некогда. Чуть отойдя в сторону, предано пыхчу в трубку и соглашаюсь на все требования матери. Да, ужин приготовлю. Да, поглажу. И в комнате своей уберусь. Все что угодно, ведь я такая хорошая дочка. Соглашаюсь, а сама прикидываю, как бы половину всего этого свалить на Алиску, пока та не переехала жить в своему Витеньке.

– Вы видели, как он смотрит на меня, видели? – восторженно причитает Кутузова, – У меня аж трусы промокли. Хоть отжимай.

Мне жуть как интересно, что это там за увлажнитель трусов такой завелся, поэтому закончив разговор с матерью, беспечно скидываю телефон в сумочку и протискиваюсь вперед, нагло орудуя локтями.

...А потом чуть не падаю на ровном месте. Потому что узнаю и большую чёрную машину, и ее хозяина, который стоит, привалившись задом к капоту и сложив руки на груди, действительно смотрит в нашу сторону. Только не на Дашу, которая из кожи вон лезет, чтобы привлечь его внимание – вертится, громко смеется, стреляет глазками, а на меня.

Он выделяется на фоне расслабленных беспечных студентов, как волк на псарне. Серьезный, строгий, такой.... Я не знаю какой, но в одном Дашка определенно права.

...Трусы действительно можно отжимать.

Наши взгляды пересекаются, и я чувствую, как тело сковывает паралич. Ни вздохнуть, ни пошевелиться. Будто в капкане, в ледяных силках.

Он едва уловимо кивает головой. Короткое движение, но иллюзий нет никаких. В этом жесте читается однозначный приказ. Он не сомневается, что выполню его. Подожду хвост и подойду.

Тут же хочется сделать назло и сбежать, но понимаю, что глупо. Если он приехал сюда, значит смысла прятаться уже нет. Найдет.

Уже нашел.

Что-то внутри сжимается и трепещет, горячими спазмами разгоняя кровь по венам.

- Вы видели девочки? Видели? Он меня зовет, - Даша растекается в улыбках, а я внезапно чувствую такой всплеск ревности, что даже дыхание сбивается.

- Уймись, Кутузова, - осаживаю подружку, - иди, готовься к своим групповым свиданиям, а это не твоего поля ягода.

- Ха, - она пренебрежительно фыркает, - можно подумать твоего.

- Представь себе, - нагло ухмыляюсь и, поправив сумку на плече, уверенно спускаюсь по лестнице, на ходу бросив остальным снисходительное: - пока.

Я не оборачиваюсь, потому что боюсь запутаться в своих собственных ногах и позорно растянуться на асфальте, но чувствую изумленные взгляды, впивающиеся мне в спину.

Да-да, смотрите. Это вам не с однокурсниками зажиматься в перерывах между парами. Это другой уровень. Ни за кем из них не приезжают к универу на такой машине, в таком костюме и с такой харизмой. Так что пусть завидуют.

Мне очень хочется создать видимость того, что у нас с этим дядькой есть что-то общее, хочется пустить пыль в глаза. Поэтому иду, активно накручивая булками. Спина прямая, на губах счастливая улыбка.

Он наблюдает за моим приближением с абсолютно бесстрастным выражением лица. Вот просто ноль эмоций. Ни единого отголоска. Будто из бетонной плиты высечен. Надеюсь, девочки достаточно далеко, чтобы не суметь рассмотреть эту постную физиономию.

– Добрый день, – так радостно, будто всегда ждала только его и готова от восторга пустить теплую лужицу. Вся такая счастливая, приторно-сладкая. Просто сахарный пирожок.

Он поднимает одну бровь, смотрит на подружек, потом на меня и едва заметно качает головой.

– Прокатимся, – не спрашивает. Ставит перед фактом.

В другой ситуации, я бы отказалась. Потому что чутье вопило: не надо Лерка, не лезь к нему. Добром это точно не закончится. Но подружки все еще смотрят мне вслед и опозориться перед ними я боюсь больше, чем оказаться с этим типом в машине.

– Конечно, – нагло и с вызовом.

Его глаза хищно суживаются, но только на миг. Потом возвращается маска невозмутимости.

Он распаивает передо мной дверь:

– Прошу, – жестом приглашает внутрь.

Я просто млею. Девки точно обзавидуются. Чтобы вот так по-королевски, с открыванием дверей – такого им и не снилось.

– Вы так любезны, – максимально изящно пытаюсь забраться в салон, но не соотношу ширину юбки и высоту ступеньки, и бездарно спотыкаюсь.

В тот же миг горячая ладонь ложиться мне на талию и уверенно удерживает, не позволяя упасть. Обжигает. У меня плавится в груди, в животе, ниже. Колени становятся ватными. В голове звенит.

– Осторожнее!

– Простите, сударь. Я так неуклюжа, – пытаюсь отшутиться. Что угодно, лишь бы не почувствовал, как бешено у меня колотится сердце.

– Я знаю, – припечатывает он. Помогает забраться в салон, захлопывает дверь и идет к водительскому месту, на ходу раздраженно оттягивая узел на галстуке, будто тот его душит.

Молча усаживается, заводит машину и трогается с места, увозя меня от универа, под завистливыми взглядами подружек.

– Ну, здравствуй... Лера, – мое имя он выделяет голосом, акцентируя внимание на том, что это больше не секрет.

Только тут до меня доходит, что мое желание выпендриться перед девочками привело к тому, что я еду в машине с подозрительным типом в дорогом костюме, и у меня нет ни единого шанса сбежать.

– Здравствуй! – нагло вскидываю подбородок. Если он думает, что я сейчас забьюсь в угол и буду рыдать, то глубоко ошибается, – давно не виделись.

– Не скажу, что соскучился.

– Я так и поняла, когда увидела тебя возле МОЕГО универа.

Отчетливо слышу, как скрипит зубами.

- В честь чего столь фееричное явление?

Я когда чувствую себя неуверенно всегда начинаю пороть какую-то чушь. Защитный механизм. А сейчас неуверенность просто зашкаливает, значит и уровень чуши будет запредельный. Главное не ляпнуть что-то, о чем потом буду жалеть.

- Разговор у нас остался незакрытый.

- По-моему, как раз все закрыто и логически завершено.

- Что это за идиотская выходка с деньгами?

- Не люблю быть обязанной, - огрызаюсь, отворачиваясь от него. Вчера затея с конвертом казалась гениальной, а сейчас мне почему-то было стыдно.

- Это был просто жест доброй воли. Не обязательно было превращать его в цирк, - он будто знает, о чем я думаю, и методично добивает, - если хотела впечатлить, то однозначно мимо.

Мне хочется что-нибудь ответить. Что-нибудь такое, после чего он перестанет смотреть на меня как на капризную девочку, но, как назло, в голове ни одной стоящей мысли. Они куда-то рассыпаются и сбегают, стоит только ему оказаться поблизости. Просто временное помутнение рассудка. Иначе не скажешь.

- Куда ты меня везешь? - наконец нахожу адекватный вопрос.

- Еловая, семнадцать, - выдает, не моргнув глазом, а меня простреливает до самых кончиков пальцев.

- Ты...ты знаешь, где я живу?

- Думаешь, так сложно было выяснить о тебе всю информацию?

Думала. Seriously. Была уверена, что этот тип меня не найдет. Никогда.

И вот он здесь. И смотрит на меня так, что хочется сигануть из машины прямо на ходу.

- Высади меня! Сама дойду.

- Что за спешка, Ежик? Наслаждайся поездкой. Заодно, покрасуешься перед соседями. Похвастаешься, что тебя привезли на дорогой машине.

- Было бы чем хвастаться!

- Значит, мне показалось, что ты перед своими подружками выпендривалась? – с циничной насмешкой, от которой мороз по коже.

Все понял. Сообразительный гад.

- Подумаешь. Машина, как машина. Видала и получше, – фыркаю и пренебрежительно кривлю губы.

- Сомневаюсь.

- Это еще почему?

- Не дотягиваешь, – короткий ответ, но такой колючий, что мне становится обидно.

- Раз не дотягиваю, то зачем ко мне приехал? – не могу сдержаться, – только ради того, чтобы позлорадствовать, унижить? Или чтобы подоставать своими нудными нравоучениями? Или, может, деньги за такси обратно привез? Так не утруждался бы. Просто закинул мне на телефон. Уверена, его ты тоже знаешь.

- Все сказала? – голос ледяной, как айсберг за полярным кругом, но на скулах нервно играют желваки.

Мистер Замороженный не так спокоен, как хочет казаться. Я чувствую, что за каменным фасадом просто бурлит. Из-за меня. Пока не уверена хорошо это или плохо, но хмелею от понимания, что могу вывести его на эмоции.

Ловлю себя на мысли, что мне хочется дергать его за усы. Смотреть как темнеет взгляд и трепещут крылья носа. Как сжимает зубы и стискивает руль настолько сильно, что белеют костяшки на пальцах. Наверное, это какая-то извращенная разновидность флирта, дурацкий способ показать симпатию. Как в школе, когда мальчики таскают понравившуюся девочку за косички. Только мы не в школе, и роли у нас совершенно иные, но почему-то с ним у меня не получается по-другому. Стоит только ему оказаться рядом, как я превращаюсь в колючий комок противоречий. С одной стороны тянусь за ним, замирая от внутреннего восторга, а с другой – эта манера держаться словно он король мира, а все остальные просто пыль под ногами, выводит из себя.

Бесит!

Я отворачиваюсь, чтобы не было соблазна смотреть на точеный профиль, но взгляд все равно так и тянется за ним. Не нахожу себе места, тяжело вздыхаю, вожусь на сиденье, не в состоянии удобно устроиться. Изнываю. От желания что-то сказать. Просто поговорить с ним, но, как назло, нет тем.

У нас вообще ничего общего нет. Рядом с ним у меня получается только ерничать, говорить глупости и хамить. Будто снова свалилась в период пубертата и воюю против целого мира. Мозгами понимаю, что просто прячусь за этим протестом, пытаюсь скрыть свою неуверенность, рядом со взрослым, состоявшимся мужчиной, но эмоции все равно побеждают.

Справедливо решаю, что надо бы помолчать. Не пороть ерунду, не провоцировать его, и вместе с тем на языке крутятся колкости. Хочется его чем-нибудь поддеть, получить реакцию, ответные эмоции. Потому что когда он вот так молчит, социальная пропасть между нами кажется просто непреодолимой.

– Приехали, – говорит, останавливаясь возле подъезда.

Наклонившись вперед, смотрит через лобовое стекло на мой дом – стандартную пятиэтажку, и я внезапно испытываю острое чувство стыда. Потому что на фоне этой блестящей черной машины весь наш двор выглядит убого и как-то понищенски. И двери в подъездах старые темно-коричневые, и асфальт весь в колдобинах, и свежая кучка собачьего дерьма прямо посреди тротуара.

Вдобавок ветер выдул с мусорных контейнеров какие-то пакеты и теперь они кружат, еще больше усугубляя ощущение убогости.

Я отцепляю ремень безопасности, пытаюсь выйти из машины, но двери заблокированы

– Выпусти меня!

Он разворачивается ко мне вполборота. Одна рука опирается на руль, вторая на подлокотник. Взгляд прямой как шпала, и я понимаю, что разговор еще не окончен. Подбираюсь, не зная к чему готовиться. Гадая, какую еще гадость скажет.

– Демид, – произносит он, гипнотизируя меня спокойным, по-змеиному холодным взглядом.

В его присутствии я туго соображаю, поэтому переспрашиваю:

– Что?

– Меня зовут Демид.

Ему идет это имя. Серьезное, взрослое, особенное. Как и он.

– Приятно познакомиться, – криво усмехаюсь, с трудом справляясь с волнением.

– Что ж так скромно? Мы ведь почти родные. Даже спали вместе.

Наверное, я краснею, потому что он разрывает прямой контакт взглядов и смотрит на мои щеки. От такого пристального неприкрытого внимания лицо просто полыхает.

– Просто провели ночь на одной территории, – зачем-то уточняю я.

– На моей территории. После того, как я вытащил тебя полудохлую из клуба.

Мне до сих пор стыдно за тот вечер. Я не мог понять, как умудрилась так вляпаться, как позволила какому-то козлу себя напоить. И если бы не Демид, страшно представить, чем бы все это закончилось.

- Хорошо, - поднимаю руки, признавая свое поражение, - признаю. Ты мой герой. Спас меня и мою девичью честь от охреневшего урода, не бросил в той дыре. Я тебе очень благодарна. Честно.

- Благодарность на хлеб не намажешь, - невозмутимо перебивает он, вгоняя меня в очередной ступор.

- Ты...ты хочешь денег? - спрашиваю шепотом, судорожно пытаюсь вспомнить сколько у меня денег на карте и в копилке. Слезы. У него носки дороже стоят чем все мои накопления.

Демид поднимает глаза к потолку и с тяжким вздохом поясняет:

- Я хочу, чтобы ты со мной поужинала.

Хлопаю глазами, пытаюсь осознать услышанное, и никак не могу понять. Наверное, все дело в трусах, которые продолжают мокнуть в его присутствии. Туда явно вытекают мои мозги.

- Поужинать...в смысле поесть?

- Ты чем-то другим занимаешь за ужином?

Почему в каждом его слове мне чудится какой-то подвох, двойное дно?

- То есть я должна тебя накормить?

- Непременно.

- Эээ...

Мое замешательство его забавляет. Он наблюдает за моей вытянувшейся физиономией и... улыбается.

Улыбка преображает его лицо. Слетает отчужденность, чрезмерная серьезность, весь этот пафос самодовольного мужика, считающего себя выше остальных.

Эта улыбка завораживает. Я просто зависаю, не в силах оторвать от нее взгляд.

Между нами падает неудобная пауза. Откровенная, на грани, громче тысячи слов. Демид перестает улыбаться и по-взрослому цепко смотрит на меня, я смотрю на его губы, хотя улыбки больше нет.

Между нами что-то происходит в этот момент. Что-то непонятное. Не знаю, что это за чертовщина, но чувствую, как по венам вместо крови бежит чистое пламя. И вижу отблески этого же пламени в глазах у Демида.

Я не выдерживаю первая. Отворачиваюсь. Слишком остро для меня.

С трудом перевожу дыхание и ворчливо соглашаюсь:

– Раз тебе больше негде поесть...Так и быть. Накормлю.

– Лер, это шутка была, – снисходительно поясняет он, – не надо меня кормить. Это я тебя приглашаю.

– Ну уж нет, – тут же упираюсь я. Мне срочно надо сделать все по-своему, – я сама.

Демид усмехается:

– Как ты себе это представляешь?

– Легко и непринужденно.

Это конечно вранье. Я понятия не имею чем кормить ТАКОГО мужика.

– Без проблем, – он разводит руками, – это даже интересно. Заеду за тобой в семью.

Я чопорно киваю и тяну за ручку

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/dyuzheva_margarita/zaberi-menya

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)